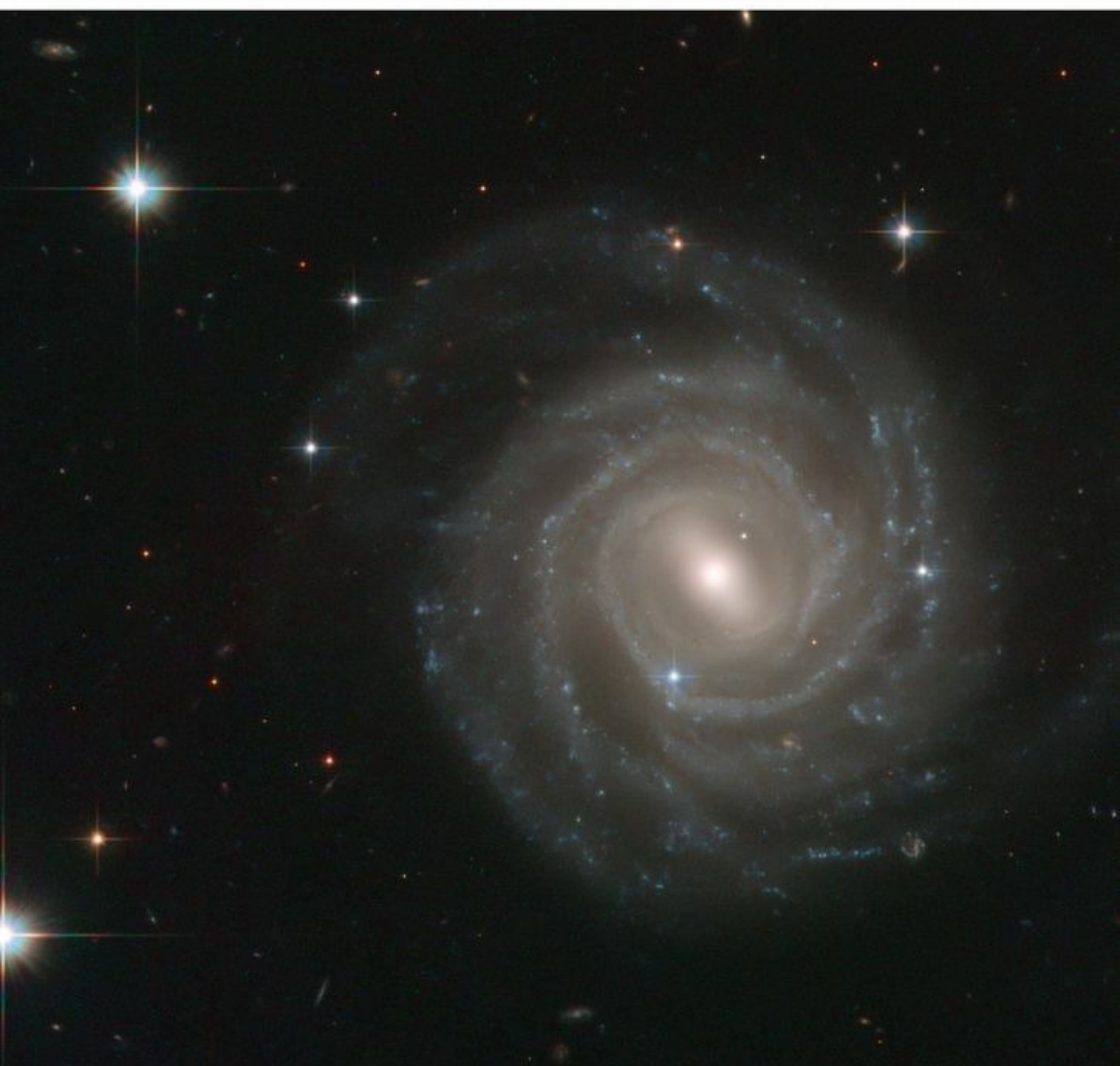

18+

ОМАР СУФИ

Владелец звезды

Омар Суфи
Владелец звезды

«Издательские решения»

Суфи О.

Владелец звезды / О. Суфи — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512561-3

Что произойдет, если кто-то вздумает купить... звезду — настоящую, на небе? Многое чего, особенно когда дело происходит в бурном 1993 году.

ISBN 978-5-00-512561-3

© Суфи О.
© Издательские решения

Владелец звезды

Омар Суфи

Хотел бы я знать, зачем звезды светятся...

Наверно, затем, чтоб рано или поздно

каждый мог отыскать свою.

«Маленький принц»

Антуан де Сент-Экзюпери

Корректор Мария Черноок

© Омар Суфи, 2020

ISBN 978-5-0051-2561-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Была зима 1993 года. Вахид Ахунд-заде, младший научный сотрудник одного из научно-исследовательских институтов нефтегазовой промышленности Азербайджана, еле высидел до конца одно из очередных собраний института. Ему очень хотелось спать.

Очередное рутинное собрание даже не прерывалось, как это было иногда, склоками и спорами. Все было тихо. Один из ученых говорил добрую половину собрания о проблеме изменения уровня Каспийского моря. Море вело себя нехорошо. Мало того, что армяне наступали с запада, исламские фундаменталисты прессинговали с юга, а русские блокировали с севера, так еще и Каспий взбунтовался с востока. Впрочем, говорили о Каспии с нежностью, как говорят о матери-кормилице, ибо он таковым и являлся со своими богатствами нефти и икры, лишь только пожуривая за несвоевременность его подъема.

Несмотря на все вышеуказанные трудности, институт продолжал работать, как пять, десять, двадцать лет назад, с небольшой разницей – меньше стало командировок в связи с тяжелым финансовым положением. Существенно только изменилась тема разговоров в коридорах. Теперь, в отличие от советских времен, спокойно можно было говорить о политике. Все об этом и говорили и считали себя ее большими знатоками. Хотя предпочитали также говорить о том, где можно подешевле купить мясо и масло. Прежние разговоры о футбольных баталиях «Нефтчи» со «Спартакком» канули в вечность, как и обсуждения пластов Шемахино-Гобустанского нефтеносного района. Пласты эти, надо сказать, вели себя спокойно, в отличие от всех других вещей.

Вахид сразу после собрания поспешил к себе в кабинет. Горячий крепкий чай помог бы отогнать сон.

Вахид сидел в комнате с тремя другими работниками. Напротив расположилась кандидат наук Рафига-ханум, рядом с ней сидела лаборантка Солмаз, а с Вахидом соседствовал другой кандидат наук Шамиль Велиев.

Как только Вахид вошел, Рафига-ханум сообщила:

– Шамиль из Америки вернулся. Он в бухгалтерии.

Шамиль Велиев был одним из самых талантливых людей института и, как нередко бывает у нас в таких случаях, повсеместно нелюбим и зажимаем. Только год назад, когда ему уже исполнилось сорок три года, он смог защитить свою кандидатскую диссертацию и получить через полгода провололочек подтверждение и ученую степень в уже национальном ВАК, не зависящем от указаний Москвы, но приносящем не меньше проблем национальным кадрам.

В последние годы Шамиля Велиева очень часто привлекали на работу западные нефтяные компании, собирающиеся начать добычу нефти и газа на Каспии. Он сам подумывал перейти на постоянную работу к ним.

Так, месяц назад нефтяная компания «Амоко» организовала ему поездку в США. Из множества причудливых идей Шамиля Велиева пара заинтересовали западных специалистов. Так что появился шанс претворить их в жизнь. Шамиль возбужденно рассказывал о своих планах и часто приговаривал: «В советское время мне никто не верил. Пришло мое время. Все меня чудачком считали. А вот...» В первую очередь чудачком его считала его жена, которая два года назад с двумя детьми ушла от него.

– Америка – страна что надо, – говорил Шамиль Вахиду. Он коротко остановился на небоскребах, обилии товаров в супермаркетах, что для выходящего из плена дефицита советского человека было одним из чудес света.

– Ряд моих проектов имеют шанс быть реализованными. Надеюсь вырваться отсюда, из страны Советов, – сказал Шамиль и повторил: – Советов, как советских советов, так и повседневных житейских советов о том, как и что надо делать, притом не делая ничего или делая все наоборот.

– Ну, страны Советов уже нет.

– Зато люди все те же.

– Слушай, ты же сам отсюда.

– Да... Это парадокс. Согласен.

– Вообще-то, я сам тоже подумываю уйти. Сам посуди... Мне тридцать лет. Живу на эту мизерную зарплату. Вернее, на нее я не живу. А пора жить самостоятельно. Хочу жениться... Вот мой брат фирму открыл. Думаю к нему податься.

– Бизнес – это хорошо. Двигатель прогресса. Надо иметь, правда, жилку.

– У тебя есть какие-либо идеи? Их у тебя много.

– Боюсь только, не для вас. Брат, очевидно, занимается торговлей. А у меня другие проекты. Например, извлекать сырье из грязевых вулканов. Там столько можно всего найти. Столько сырья...

– Чтобы заняться производством, нужны серьезные бабки. А у нас это проблема. Да и взяток нужно пораздавать. К тому же производство доход приносит не сразу. А торговля – купил-продал. Вложил деньги и через месяц выручил.

– Вот потому так и живем. Никакого развития.

– Ну, управляем не мы и за это не в ответе. Люди крутятся как могут.

– Да-да, живем сегодняшним днем.

– Нам на звезды летать рано.

– Кстати о звездах! – воскликнул Шамиль. – У меня интересная новость. Я – владелец звезды.

– Как это понимать?

– Дословно. В Америке есть одна фирма, «околонаучно» крутящаяся. Звезд на небе полно – миллиарды. И все новые продолжают открывать. А вот эта фирма за определенную плату продает тебе звезду, и она заносится в каталог не под каким-то там номером 24537АВВ, а под твоим именем.

– И сколько это стоит?

– Недешево. Но я передал часть своего гонорара на научные исследования, и они мне в знак благодарности, можно сказать, подарили звезду.

– Я думаю, на часть твоего отданного гонорара в Баку можно несколько месяцев кайфовать.

– У каждого свое понятие о кайфе.

«Лучше бы на детей потратил, – подумал Вахид, но, конечно, вслух говорить не стал. – Непутевый ты, правду говорят, что не от мира сего».

Вахид возвратился к себе в кабинет.

– Вы слышали, Рафига-ханум... – начал было Вахид.

– Слышала. Ты про звезду Шамиля.

Рафига-ханум была всегда в курсе всех событий на работе. Вахиду казалось, что она даже знает, кто и когда идет в туалет.

– Вот от таких людей уходят бедные жены. Лучше бы он детям своим что-нибудь купил, а не эту звезду. Какая от нее польза, от звезды? Или вот в фонд помощи беженцам отдал.

– Нечего давать в фонд помощи, – заявила Солмаз. – Они всю помощь воруют. Все председатели этого фонда стали миллионерами. Вон даже один из них банк открыл... Лучше было бы, если бы он эти деньги мне дал. Я бы себе кожаную куртку купила.

– А за что он тебе стал бы деньги давать? – язвительно спросила Рафига-ханум.

Солмаз кокетливо улыбнулась.

– Я хорошая чертежница. Столько я ему чертежей сделала, а он не обращает никакого внимания.

– А какое внимание тебе требуется? Он и не должен обращать на это внимание. Это твоя работа, и ты получаешь зарплату за это. И потом, он всегда на Восьмое марта тебе дарит цветы.

– Вам тоже.

– Я ему благодарна.

– Подумаешь – цветы! Пользы-то? В прошлом году он мне пирит подарил. Выкопал его где-то на Тянь-Шане. Зачем он мне?

– Ты – неблагодарная. Пирит можно на буфет положить. Красиво. Гости будут думать, что это золото.

– Мои гости хорошо знают золото. И так же хорошо знают, что у меня в доме не может водиться кусок золота.

– Какие такие гости? – прищурившись, спросила Рафига-ханум.

– Всякие, – резко ответила Солмаз. Пускай думает что хочет.

– М-да-а-а, – затянула Рафига-ханум. – Сейчас много способов заработать быстро деньги, – вдруг неожиданно начала она. – Молодежь стремится именно так и заработать.

– Ждать всю жизнь, что ли?

– Поколение растет нам на смену не ахти какое. Раньше мы день и ночь думали о работе. Зарабатывали с трудом на свой хлеб. А работали с энтузиазмом, добросовестно. А теперь тупляп... Все эти комиссионки и фирмы для бездельников и воров... Все это проклятый Горбачев! Жили спокойно, не волнуйся за детей...

– Вот вы работали добросовестно, а вам за это Советы отплатили Карабахом. Ведь при них еще все это началось.

– Я не защитница коммунизма, хотя и была членом партии. Но уж эта... как его... рыночная экономика показала себя со всех сторон! Вон какой разврат на улицах творится! – Рафига-ханум взглянула с ненавистью в окно. – Убийства и войны!

– Нельзя так все однозначно воспринимать, – вступил Вахид. – Рыночная экономика таит в себе немало хорошего.

– Вот именно – таит!

– Нет-нет. Посмотрите – люди получили возможность заработать, претворить в жизнь свои идеи. К примеру, Шамиль. Раньше его зажимали, а сейчас он стал по границам ездить.

– Его не замечали из-за его непутевости. Хороший он человек, но не от мира сего.

– Так я вообще-то не о нем...

– Ох! – вздохнула Солмаз. – Как надоели эти разговоры о политике, экономике! Хочется стряхнуть все это от себя. Уехать куда-нибудь. В Америку...

– Выходи замуж за Шамиля, – пошутил Вахид. – Поедешь с ним в Америку.

Солмаз с присущей женской логикой ответила серьезно:

– Нет. Шамиль – ненадежный человек. Глядишь – поедем в Америку, а он там деньги станет тратить на всякие пириты.

– Зачем на них деньги тратить? Пириты ищут и находят, – бросила Рафига-ханум.

– А он станет их покупать. Ведь звезду он же купил. Кто же звезды покупает? Вот возьмет и начнет пириты покупать.

Никто из женщин не хотел сдаваться.

– Вообще, что за глупости ты говоришь, дорогая моя! О каком замужестве ты говоришь?! Почему ты так уверена, что Шамиль готов жениться на тебе?

Солмаз кокетливо повела плечами. Рафига-ханум продолжала:

– Мы, когда были молоды, о замужестве так много не думали. Сперва учеба, потом работа, а потом и замужество. Тем более не думали куда-то уехать.

– А кто вас отпустил бы тогда?

– Я никуда не хотела уезжать и не собираюсь. Наши женщины – настоящие патриоты, они и сохранили нашу нацию. А мужчины...

Солмаз демонстративно достала из сумочки губную помаду и стала подправлять свои губки.

– Что-то вы много думаете и говорите о мужчинах...

Столь наглое заявление заставило Рафигу-ханум покраснеть от злости.

– Я, моя дорогая, на работе всегда думаю о работе!

– Что-то в последнее время вы больше говорите о посторонних вещах.

– Я говорю о детях, семье. Время сейчас такое беспокойное... А было время... – И она пустилась в воспоминания о студенческих временах, о Советском Союзе, вообще о временах, когда «прошла весна, наступит лето, спасибо партии за это».

Ее воспоминания прервал вошедший в комнату Шамиль. Он объявил, что получил зарплату за период отсутствия и хочет пригласить всех к себе на вечеринку.

– Жизнь не остановилась, – провозгласил он. – Надо иногда развеяться. Приглашаю всех.

Вечером у Шамиля собралось достаточно большое количество людей. Были здесь как его друзья и приятели, так и дармоеды, ищущие место, где можно за чужой счет пожрать и попить.

Вахид с самого раннего утра помогал Шамилю прибрать его холостяцкую квартиру и сервировать стол. Уборка комнаты оказалось делом нелегким, так как наверняка после развода женская рука вообще не касалась этих пыльных полок и темных окон.

В квартире Шамиля главное место было уделено книгам. Шамиль интересовался всем: астрономией, химией, философией. Его письменный стол был завален всякими записями. Бумаги с различными пометками лежали даже на кухне.

Шамиль говорил, что идеи приходят к нему неожиданно, так что он спешит тут же записать их. Вахид взглянул на несколько записок и по ним понял, что покупка звезды являлась не самой безумной идеей Шамиля.

Вахид сам не был лишен ума и смекалки, однако предпочитал иметь дело с вещами, имеющими практическую пользу и возможными в исполнении на данный момент. Он окончил институт с красным дипломом и хорошо знал цену усидчивости и таланту на постсоветском пространстве. Она практически равнялась нулю. Народ интересовали «земные дела», и оно было понятно в свете экономических трудностей и конфликта – продукты, деньги, война.

Вахиду тем более приходилось уделять все больше внимания практической стороне бытия, чем научным изысканиям в сфере изучения, например, осадочных пород. Он собирался жениться. Уже два года он встречался с девушкой, и ее родители теребили его с конкретными шагами. Квартиры у него не было, а жить с родителями и младшим братом ему после свадьбы

не хотелось. Так что все в семье усиленно копили деньги на приобретение квартиры. Дело это при современных заработках и ценах на квартиру было нелегким. Если исходить из получаемой зарплаты в двести тысяч манат, что равнялось пятидесяти долларам, то для покупки самой плохенькой однокомнатной квартиры на окраине города стоимостью в пять тысяч долларов Вахиду понадобилось бы около двадцати пяти лет при условии, что Вахид жил бы как суперйого на хлебе и воде. Да и йога так не питается.

Впрочем, в Азербайджане почти никто на зарплату не жил, и Вахид не терял оптимизма. Его старший брат Араз открыл свою фирму и стал зарабатывать неплохие деньги. Вахид намеревался перейти к нему работать, а науку оставить в качестве «хобби».

Индейка румянилась в духовке, а гости ринулись на холодные закуски. Для современной зарплаты ученого стол был обставлен как надо – как в самые «застойные» годы.

Однако Шамиль не был из тех людей, кто испытывал ностальгию по брежневским временам. Он радовался переменам и говорил, что если поставить дело на правильную ногу, то «застойные» годы будут меркнуть перед изобилием и достатком рыночной экономики. Но пока до этого было далеко, и люди только жаловались. Правда, как хорошо помнилось Вахиду, люди и в «застойные» годы жаловались, проклинали и остро критиковали втихомолку заставшихся коммунистических бонз.

– Америка – это класс! – говорил Шамиль. – Для человека советских времен это почти как сказка. Но я был уже за границей, так что мои впечатления не столь сильны. К товарному изобилию я уже привык. Да в Азербайджане уже скоро станет так. А вот вообще жизнь, порядок – это класс.

– А как насчет преступности?

– Есть такая проблема, но в больших городах.

– Зато у нас люди душевные, – выпалил сосед Шамиля Эльшад Рафиев. Раньше он был секретарем райкома партии. После коллапса коммунистического строя он стал советником правительства по религиозным вопросам. Так что если раньше он высмеивал отсталость ислама, то теперь стал ее ярким сторонником. Шамиль говорил, что он мужик неплохой, всегда готов оказать помощь. Несколько раз он помогал Шамилю в решении его житейских проблем.

– Да, люди у нас душевные, но также душевно воруют.

– Воровство – вынужденная мера. Зарплаты у нас низкие. Все воруют. А все хорошие.

– Просто чудесно! – воскликнул с иронией Шамиль. – Но порядка там больше.

– Ты все же хочешь туда переехать?

– Хочу. Может, не совсем, но...

– Ты имеешь в виду старость?

– В общем, ясно, – вставил Вахид. – Как говорил один наш известный комик, жить хорошо там, а помирать у нас.

– Ладно, оставим это. Давайте выпьем за успех, – подытожил Эльшад Рафиев.

Через некоторое время Шамиль встал и торжественным тоном заявил:

– Хочу вам сообщить одну вещь. Я вас собрал не просто так, а отметить важное событие. Он сделал паузу, посмотрел на Вахида и продолжил:

– В Америке я приобрел звезду. Сейчас звезда А-77896 в созвездии Рака носит мое имя. Она открыта в 1986 году. Я специально приобрел звезду из собственного созвездия...

Гости ничего не понимали. Шамилю пришлось все подробно объяснить. Жена одного из сослуживцев Шамиля воскликнула:

– Ох, как это чудесно – иметь собственную звезду!

– Молодцы американцы, – сказал кто-то из гостей. – Всегда что-то интересное придумывают.

Только Эльшад Рафиев нагнулся к Вахиду и шепнул:

– Что-то непонятно. Что это все значит?

– Все очень просто. Вы же знаете Шамиля. Он чужак.

– Э! Меня не проведешь. Я знаю, что к чему. Тут есть какая-то подоплека. Поживем – увидим...

Разговор после этого за столом оживился. Темы сменялись одна за другой. Шамиль вышел с Вахидом из гостиной. Они стали готовиться подать индейку.

– Ты некоторых ошарашил, – сказал Вахид. – Не поверили. А Рафиев говорит, что нечисто тут что-то...

Шамиль усмехнулся:

– Не сомневаюсь в реакции гостей.

– Шамиль, – начал серьезно Вахид, – ты хороший друг, хороший работник. Вот эта покупка тоже вроде вещь неплохая... Но... Есть вещи важнее... Я имею в виду семью. Это, конечно, твое личное дело. Но... Мы же друзья. Все говорят, что лучше бы ты что-то детям купил бы.

– Вахид, жизнь – рутина. Это, может, и хорошо. Но вот я таким образом разбавляю рутину. ЗВЕЗДА мною куплена!

– Все это фикция. Она не может никому принадлежать, ты же понимаешь это.

– Мне завидовать начинают. Это интересно. А насчет того, может ли она кому-либо принадлежать... Нет, наверное. Но на бумаге она принадлежит мне. У нас же любят бумажки... Трудно понять все это просто так... Вот тебе что скажу. Был я как-то на Тянь-Шане летом. Вышел из палатки и глянул на небо. Картина была божественной. Ночь, тысячи звезд. Мне трудно передать свои ощущения. И вот... какая-то из звезд названа моим именем...

– Шамиль, ты не был тщеславен. Или ты замечтал – хочешь, как Брежнев, иметь четыре ордена Героя, звезду и еще какие награды?

– Ну, у каждого человека есть причуды...

– При этом я все же желаю, чтобы ты устроил свою жизнь...

В кухню вошел их начальник отдела Кямиль:

– Ба! Индейка! Живо несите, ребята. Это лучше, чем звезда, Шамиль, особенно если запить ста граммами...

Через несколько минут жаркое было подано на стол. Пошли разговоры о бешеных ценах на базаре, в особенности на индейку и курицу. Мужчины потом начали вспоминать, кто, когда и с кем при каких обстоятельствах ел индейку, сколько выпил водки, а женщины стали делиться секретами кулинарного искусства. Хозяин же через некоторое время заговорил о том, как едят индейку в Америке.

– Американцы обязательно подают индейку на стол в День благодарения. Миллионы индеек режутся за несколько дней до этого...

– А еще обвиняют мусульман в бесчеловечном обращении с барашками, когда тех режут на Курбан-байрам. Где же тут справедливость? – задался вопросом один из гостей.

Шамиль продолжал:

– Американцы не тратят много времени на приготовление пищи. Пожалуй, День благодарения – исключение. Они пользуются полуфабрикатами или питаются в столовых и кафе – они это называют fast food.

– Готовить, кроме нас, никто не умеет! – воскликнул Рафиев. – Всякие консервы и полуфабрикаты рекламируют. Разве это еда? Еда – это то, что приготовлено сейчас, свежее и горячее... Как говорят у нас – еда только в горячей кастрюле.

Шамиль с ним на этот раз согласился:

– Такого культа еды, как у нас, у них, пожалуй, нет. Хотя американцы любят покушать... У нас людей с утра до вечера заботит одна мысль – сделать бабки и вкусно пожрать.

– Разве это плохо?

– У каждого народа свой менталитет.

Одна из женщин возразила:

– Я не согласна с такими примитивными суждениями. Мы все время ищем в себе плохое. У нас нет абсолютно никакого национального самолюбия. Только и ругаем себя...

– Я не ругал никого, когда говорил о том, что наши любят вкусно пожрать... извиняюсь, поесть. Но согласен с тобой, что у нас нет национального самолюбия. Откуда ему взяться. За семьдесят лет нашу нацию раза два-три хорошенько промывали...

– Хватит ругать коммунистов, – вмешался Рафиев, – не так все плохо и было. Во всяком случае, индейка по пятнадцать рублей на базаре валялась.

Спор разгорался. Ощущался груз выпитого, но всегда спасительный тост в честь кого-либо спасал спорщиков от еще более яростных столкновений. Темы запивались алкоголем, умозаключения закусывались салатами, и застолье мирно переходило в традиционное чаепитие. Сладкий стол, крепкий чай, и все были друзьями навечно... до следующего дня.

Гости стали расходиться. Пьяный лепет, чмоканье, легкие поцелуи. Хлопнула на прощанье дверь, оставив Шамиля и Вахида одних. Стало тихо и немного грустно.

– Не тяжело оставаться одному с самим собой? – спросил Вахид.

– Знаю опять, о чем хочешь ты поговорить. Я с ней не ссорился... Она взяла и ушла. Давай соберем посуду, если ты не торопишься идти домой.

Вахид утром в понедельник заглянул к брату на фирму. Маленький подвальчик, выцарапанный у местного исполкома за большую взятку, стал «офисом» фирмы «СЕВИНДЖ». Она была названа в честь брата дочери.

Подвал был разделен на три комнаты. В одном стоял компьютер и «приставка» из одного оператора и бухгалтера. Во второй разместились так называемые «менеджеры», если только это иностранное слово подходит усадым парням в кожаных куртках, а в третьей сидел сам Вахида брат – Араз. Его комната была гораздо лучше обставлена: мягкая мебель и две картины на стене. Это, по мнению начинающих азербайджанских бизнесменов, и есть офис в условиях тяжелого посткоммунистического наследия.

– Негде развернуться, – жаловался Араз. – Нам бы этаж где-нибудь арендовать. А где? Нигде нет или очень дорого. Строительство не идет, приходится в таких подвальчиках ютиться.

За полгода бизнеса у Араза амбиции непомерно возросли, и он уже говорил о лимузинах и многоэтажном офисе.

– Лучше бы вы один этаж в институте в аренду коммерческим предприятиям сдали. И вам польза, и людям, а то какой толк от вас?

Вот тут у Вахида гордость за собственный институт появилась.

– А кто готовит нефтяные проекты? Да наша республика за счет нефти и держится.

Араз не умел спорить, и он просто менял тему разговора.

– Как дела на работе?

– Как всегда...

– Когда уходить думаешь?

– Как только ты пригласишь.

– Я тебе об этом давно говорю. Пора делом заняться. Тут недалеко одна старая бабка хату продает. В Россию уезжает. Комната на первом этаже с подсобкой. Я прикинул, что там хорошее кафе открыть можно.

– За сколько толкает?

– Старая карга хочет семь зелеными.

– Надо купить.

– Знаю, что надо. Но прикинь... Кусок уйдет на оформление. Еще ремонт, оборудование и все прочее. Таких денег у меня сейчас нет.

– А как твой сахар?

– На таможене застрял. Гады, мозги делают. Говорят, что он неоформленный. Конечно, неоформленный. Я его за взятку из России везу. Теперь здесь на таможене свою долю хотят. Надо дать, но они такую сумму называют, что мне это обойдется черт знает во сколько. По какой же цене придется продавать? Ищу знакомых на таможене. Совсем совесть потеряли!

– Были бы у меня бабки...

– Откуда они у тебя?

– У меня их, действительно, нет. А есть люди, деньги которым сами идут, а они их растрачивают попусту. Вот у меня на работе один мужик – хороший мужик, но в облаках летает. Получил в Америке гонорар... взял да и купил себе звезду.

– Какую звезду?

– Обыкновенную, на небе.

– А зачем она ему?

– Просто для понта.

– Или у него денег до черта, или у него мозги не в порядке.

– Второе верно. Имей я его бабки...

– Понятно. А у него там ничего не осталось? Дал бы под проценты или сел бы с нами в долю.

– Ты же мне говорил, что не любишь сидеть с кем-то в доле.

– С чудаками можно.

– Лучше ты с Айдыном в долю садись. Он ведь наш родственник.

– Ну и что – родственник?

– У Айдына есть деньги.

– У Айдына совести нет.

– Ну, коли так, то я спрошу сослуживца. Может, у него кое-что осталось.

– И еще... Порасспроси у знакомых – есть ли желающий приобрести рис и чай оптом. Толкнешь, проценты твои. Товар иранский, хорошего качества.

Вахид собрался уходить, но у дверей Араз его остановил.

– Кстати, как это он купил звезду?

– В Америке есть фирма, которая занимается подобными услугами. Все законно. Безымянных звезд полно, и если ты платишь деньги, то тебе дают регистрационный паспорт, карту звездного неба с соответствующей пометкой.

– Не такая это безумная мысль, как может показаться сперва. Найдется немало тщеславных людей, кто захочет иметь звезду. Может, мы сможем установить контакт с этой фирмой. Будем ее дилерами. У нас-то имеется немало тщеславных людей.

– Наши миллионеры не станут покупать звезды. На небе не напишешь свое имя. Другое дело – приобретешь дом или даже займешься благотворительностью. Тогда скажут, что вот этот дом или интернат для детей-сирот содержит Тофик или Байрам, к примеру. А кто скажет, что вон та звезда принадлежит Аразу, тем более если ее можно разглядеть только в телескоп?

– Ты все-таки разузнай у того чувака, как можно с этой фирмой установить контакты.

«В этом подвале у Араза мозги от бизнеса сдвинулись с места», – думал Вахид, выходя из офиса начинающего бизнесмена.

Вахид оказался на улице. Шел дождь, и серое уныние опустилось на город. Совсем не хотелось идти на работу и торчать в комнате, среди бумаг и ламп дневного света, многие из которых были испорчены и непрерывно мигали. Вахид подумал о том, как «тускло и бесцветно» проходит время на работе. Исследовательский жар погас, потому что все эти эксперименты и дознания не были кому-то нужны, особенно сейчас, в условиях конфликта и острого экономического кризиса. В лучшем случае твоя научная работа пылилась в институтском архиве. Печататься почти не было возможности. Журналы испытывали финансовые затруднения и издавались редко. Ну, если даже твоя работа издавалось, то о ней забывали

через несколько недель. Другое дело, если, читая какую-нибудь работу, видел в ней ссылку на собственное сочинение. Становилось приятно, но Вахид понимал, что до этих высот ему пока рано, тем более в нынешних условиях.

Все было никчемным и пустым перед грохочущими пушками и тысячами беженцев, циничностью чиновников, жуткой борьбой за власть и повальным желанием всех делать деньги быстро и без труда. Тиски коммунизма ослабли, и все ринулись на рынок, а некоторых туда просто выкинули.

Теперь многие вспоминали «застой» как эру расцвета человечества, когда самое незначительное событие было ярким штрихом. Юбилеи, симпозиумы были по выразительности сродни парламентским баталиям. Но и тогда – Вахид не предавался грезам о тех днях – была пошлость. Пошлость обмана, лжи, показухи и мелкой склоки.

И тут Вахид подумал о том, что напрасно Шамиля называют чудачком. Он просто пытается приукрасить жизнь. И действительно, кому тепло или холодно оттого, что он купил звезду. Это его дело.

На работе Вахида встретила привычная картина. Рафига-ханум говорила по телефону, а Шамиль и Солмаз, развернув большой лист ватмана, что-то на нем чертили.

- Меня никто не спрашивал? – осведомился Вахид.
- Кямилль искал тебя.
- Опять он тебя нагрузил работой.
- Я все равно не люблю бездельничать.

Сказано это было без малейшего упрека в чей-либо адрес. Шамиль действительно не любил сидеть сложа руки. Вахид возмущался, что Кямилль вчера у него бухал, а сегодня нагружал работой на троих. Можно возразить, что служба службой, а дружба дружбой, но этот принцип почему-то у Кямиля всегда работал по отношению к Шамилю. Не сказать, что он это недолюбливал, просто Кямилль шел по пути наименьшего сопротивления – Шамиль всегда брал работу молча и без комментариев о том, что он работает, а другие бездельничают.

Вахид пошел к начальнику отдела. Тот сидел с мрачным видом и что-то рисовал на листке. Похмельный синдром.

- Опоздал? – спросил Кямилль, будто хотел удостовериться в честности Вахида.
- Опоздал, – ответил тот спокойно.

Кямилль обдумывал – пожуришь, что-то спросить или что-то поручить.

– Это правда, что было вчера у Шамиля?

– Вечеринка?

– Вечеринку я помню. Не настолько был я пьян, как ты думаешь... Я имею в виду эту звезду.

– Весь институт об этом говорит. Вчера он сам показал документы.

– Документы могут быть поддельны. Я думаю, он наколол всех.

Шамиль мог такое сделать, только сейчас подумал Вахид.

– Это очередной его дурацкий эксперимент из области человеческого поведения. Я помню, как он кошелек выкинул в коридор института, заполнив его дерьмом.

Вахид засмеялся. Ситуация тогда была действительно комичной.

– Что ты на это скажешь?

– Вреда от этого никому нет.

– Не в этом дело. Просто меня бесит, что Шамиль пытается что-нибудь выкинуть, сделать не так, как другие. Чего он выпендривается? Считает себя умнее других?.. Так и есть. Всю жизнь он вытыкается своей оригинальностью... Я не такой, как другие... Ну и что?

– Правильно – ну и что? Пусть себе вытыкается на здоровье. На других же он не вытыкается. Человек культурный, тихий и спокойный.

- Ради бога, не защищай его. Он в защитниках не нуждается. Мир ему до фени.
- Я его уважаю за то, что он хороший человек и надежный товарищ.
- Твоим хорошим и надежным товарищем уже интересовались.
- Интересно – кто?
- Из верхушки Академии – это раз. Из милиции – это два.
- Из милиции? Они-то что хотят?
- Толком сам не знаю. Звонил замначальника нашего райотдела. Говорит, что слышали о том, как наш сотрудник в Америке сделал какое-то крупное приобретение.
- Ну и что? Время коммунизма и нетрудовых доходов миновало. Теперь что они хотят?
- Милиция... тьфу, теперь полиция всегда что-то хочет.
- Я удивляюсь тому, как у нас быстро распространяются слухи.
- Там, где пахнет деньгами, всегда шумно. Тем более наша милиция... полиция любит в таких случаях пошуметь.

Во второй половине дня Вахид вызвал замдиректора института Нариман Мурадов. Маленький, с крупным носом и внушительным пучком волос на лбу, он получил с чьей-то легкой руки кличку Батка – такую надпись однажды кто-то вывел на дверях его кабинета. Никто не знал, кто стал зачинщиком этого дела, но Мурадов был зол на весь институт и не только за это. Сам он, как ученый, ничего из себя не представлял, но хорошая протекция и собственная наглость обеспечивали ему успех во всех его начинаниях, которые были не столь созидательны, сколь разрушительны. Такое было впечатление, что он мстил всем. Особенно он недолюбливал умных, ибо сам был туп как пробка.

Вахид вошел в его просторный кабинет и сел, уже потом вспомнив, что приглашения сесть не было. Мурадов был щепетилен до всякого рода условностей. Сказывалось то, что Мурадов два года проработал в ЦК партии, пока его не вытурили за то, что он плохо поздоровался с кем-то из партийных шишек, таким же тупым, подлым и неотесанным, как он. Все это было упоенье властью людей с очень узким кругозором.

Теперь времена были другие, люди стали меньше бояться. Мурадов знал, что Вахид собирается уходить и, соответственно, придирается к нему не стоит, можно нарваться на грубый ответ.

– Хороший работник в лице тебя покинет нас. Я слышал, что ты собираешься нас покинуть. Дело, конечно, личное, но мне очень обидно, когда такие работники, как ты, уходят. Ты перспективный ученый. Я понимаю, что время сейчас тяжелое, зарплата низкая, но это, надеюсь, не будет продолжаться вечно. К тому же есть перспектива работать за границей.

Вахид был ошарашен. С чего бы Мурадов стал так с ним разговаривать?

– Я еще официально о своем уходе не говорил.

– А что, мы должны ждать, когда ты подашь заявление? Я хочу предупредить твой предполагаемый поступок. Работниками мы не имеем права разбрасываться.

«Что такое?! Мир перевернулся», – думал Вахид.

– Вот недавно сотрудник вашего отдела был в Америке. Чем ты хуже него?

– Куда мне до Шамиля.

– Э... Хоть ты его друг, но, между нами... не такой он классный ученый, как некоторые о нем отзываются. Свою диссертацию он передул из заграничных книг. Знает английский, вот и переводит. Но я вижу, что ты со мной не согласен.

– Не согласен потому, что у нас за границу в основном раньше ездили те, кто имел блат. А Шамиль всего сам добился.

– Кажется, что у Шамиля не так мало денег, и он кое-что может. Я слышал, что он в Америке что-то купил?

– Звезду.

– Я в это не верю... Но если даже так... Он мог потратить деньги с пользой для общего дела. Перевел бы деньги в фонд обороны, армия сейчас в деньгах нуждается.

– По-моему, он это уже делал, и не раз...

– Сделал бы еще раз или помог бы фонду нашего института. Ты со мной не согласен, что его поступок не патриотичен? Тебе, по-моему, не безразлична общенациональная проблема. Впрочем, не удивительно обратное. Безразличие – это общее состояние нации. Отсутствует всякое чувство ответственности...

Мурадов говорил так, словно находился на трибуне съезда компартии.

– Я к Велиеву настроен отрицательно... – И пошел разговор, как Мурадов в былые годы работал ОТВЕТСТВЕННО за Отчизну – за страну Советов. Теперь, формулировал он мораль, надо работать вдвойне усердно. Азербайджан встал на путь независимости.

Терпение Вахида подошло к концу, и он перебил:

– Я очень извиняюсь, но у вас ко мне есть какое-то поручение.

Мурадов расплылся в улыбке.

– Молодежь нынче нетерпелива... Ладно. У меня к тебе не поручение, а предложение. Мы создаем научно-производственное объединение «Апшерон» по переработке минерального сырья. Перспектива выйти на границу и так далее. Я вот хочу тебя туда перекинуть, если ты, конечно, не собираешься уходить. У нас ожидается сокращение, так что смотри. Для тебя всегда место найдется.

Вахид был удивлен во второй раз.

– Твой брат, я слышал, занят коммерцией?

«Все знает, жук», – подумал Вахид.

– Мог бы с нами дело иметь. Расширили бы, так сказать, дело – и мы, и он.

– У него дело пока маленькое. – На всякий случай Вахид решил быть осторожным.

– Зато опыт имеет. У тебя есть время подумать.

Вахид вышел из кабинета, абсолютно не понимая перемен, происшедших с Мурадовым. Прояснение наступило после разговора с Шамилем.

– Эти все проекты объединения и предприятия мои. Я в прошлом году писал записку в ученый совет. Теперь он пытается меня выжить, чтобы я ему не мешал. Тебя он тоже как-то хочет использовать, я думаю. Но если согласишься, ничего не проиграешь, дело действительно перспективное.

– Ты о сокращении слышал?

– Да. Вон тогда он и попытается от меня избавиться.

– Ты же только в прошлом году кандидатскую защитил.

Шамиль в ответ только пожал плечами.

– Удивляюсь, с какой легкостью порой люди распоряжаются судьбами других людей, – изрек Вахид.

К концу рабочего дня в комнату вбежал Саша Казимиров из четвертого отдела. Он сейчас работал на научно-исследовательской станции в Алятах.

– Спасай, Шамиль! – заорал он. – Вчера у нас на станции пожар был. Один вагончик совсем сгорел, другой успели потушить. А главное – наш курятник с курами накрылся. Но не в этом дело – завтра туда комиссия должна приехать. Англичане должны посетить. Так что директор сказал – кровь из носа все привести в порядок. Главное – аппаратуру восстановить. Твоя помощь нужна – в сейсмических аппаратах никто, кроме тебя, не шарит.

Шамиль был рад помочь товарищам и, быстро одевшись, ушел.

После их ухода Рафига-ханум заявила:

– Неспроста там пожар случился. Наверно, что-то загнали, а теперь на пожар хотят списать.

Солмаз добавила:

– Саша большой любитель выпить, вон и сейчас выпивший пришел.

– Нет. Саша честный человек. Он этого не делал. Выпил и заснул, а другие пожар устроили. Только горящие куры его и разбудили.

Вечером Вахид заглянул к невесте. Хотя они еще не были обручены, но уже все считали их женихом и невестой. Напряженное ожидание готовящегося события ощущалось во всех мыслях Вахида, превращаясь в цифры расходов на подарки, сладости, ресторан и все остальное, что полагалось по этому случаю. А там дело к свадьбе и еще расходы. Правда, в последнее время в связи с острой экономической ситуацией свадьбы стали скромнее, но данное мероприятие продолжало оставаться делом престижа каждой семьи.

Дом невесты всегда встречал Вахида радушно. Всем своим архитектурным гением «ленинградского проекта», а проще говоря, бетонными блоками, то тут, то там выступавшими балконами жильцов уже без всякого архитектурного шаблона, дополнявшимся нарядом неубранных мусорных баков и исковерканного асфальта, дом любезно приветствовал Вахида – жених пришел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.